ФИЛОСОФСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

Философия Севера (опыт демаркации)

Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, д. 8

Определение специфики отдельного способа бытия мировой философии через противопоставления иному способу порождает, на взгляд авторов, эффект соотношения неопределенностей. Экспликация философии Севера позволит более определенно зафиксировать некоторые параметры восточного и западного типов философствования и наряду с этим открыть дополнительные возможности философской рефлексии. Авторы показывают это. отталкиваясь от гегелевского сопоставления восточной и западной философии.

Одной из устойчивых оппозиций в историко-философском дискурсе является противопоставление западной и восточной философии. Западная философия традиционно идентифицируется как философия Запада, а восточная философия — как философия Востока. Запад и Восток понимаются в этом случае как глобальные миросубъекты и мирообъекты философствования. Противопоставление Запада и Востока в системе мировой цивилизации обычно воспринимается как относительное. Вместе с тем. несмотря на условность этого противопоставления, концепты «западная философия» и «восточная философия» прочно утвердились в историко-философской науке.

Столкновения цивилизаций в XX веке серьезно изменили формат мирового порядка. Вместо глобального противоречия по оси Запад — Восток на первом плане оказалось противоречие Север — Юг. Эта переориентация, хотя и обозначилась в связи с обсуждением проблемы нового мирового экономического порядка еще в 1970-е гг., тем не менее, пока не воспринимается как значимая для глобальной рефлексии.

П.В. Крылов следующим образом оценивает состояние актуализации данной проблемы в исследовательском сознании:

( ) Ю.В. Попков. 2008.
( ) Е.А. Тюгашев. 2008.

Действительно, на глубинные различия между "Севером" и "Югом" (я совершенно сознательно употребил здесь заглавную букву) стали обращать внимание не столь давно. ... К сожалению, господство социально-экономического подхода к историческому процессу в отечественной исторической науке послужило препятствием для дальнейшего изучения проблематики "Север Юг". Противостояние на международной арене СССР и США. наличие военно-политических союзов, границы которых можно было увязать с границами полушарий, делала более актуальной как для отечественных, так и для зарубежных исследователей тему Запада и Востока. ... Теме "Север Юг" еще далеко по степени привлекаемого внимания к теме "Восток Запад", она очень медленно и постепенно начинает выходи из из тени[1].

Он также указывает, что, «в отличие от нередко требующего драматической определенности выбора своей идентификации с "Востоком" или "Западом", выбор между Севером и Югом еще ни для кою не был предметом сколько-нибудь острой дискуссии, поскольку не приобрел характера мировоззренческого выбора»[2].

Действительно, глобальное противоречие между Севером и Ютом многими исследователями не рассматривается как реальный, объективный факт. Север рассматривается как мнимый миросубъект, практически совпадающий с Западом[3]. Вместе с тем, в настоящее время для ряда геополитических субъектов северное позиционирование представляется судьбоносным и требующим адекватной философской рефлексии[4].

В то же время, современная философская компаративистика центрирована на бинарной оппозиции Восток — Запад. «Это, прежде всего, сопоставление философских культур Западной цивилизации, Индии и Китая», — констатирует ее ограниченность Ю.А. Ротенфельд[5]. Как представляется, исследовательское поле философской компаративистики должно быть значительно шире. Ориентиром здесь можно считать следующую установку А.С. Колесникова: «Конечные цели философской компаративистики можно связать с примирением на философском уровне Востока и Запада, Юга и Севера...»[6]

Острую потребность в такой рефлексии прежде всего испытывают коренные народы Крайнего Севера. Так, известный мансийский поэт Ю. Шесталов, выдвигая оригинальное учение «северный космизм», констатирует несходимость парных противоположностей Запада и Востока. И далее указывает, что философское время и Востока, и Запада прошло: «Невозможно дважды войти в одну и ту же реку». Отсюда он делает теософский вывод: «Время Севера наступает. Тысячелетие Севера наступает»[7].

---

[1] Крылов П.В. «Восток и (или) Запад» оптический обман мифологии пространства или географические «места памяти»? // Цивилизации. Вып. 7: Диалог культур и цивилизаций. М.. 2006. С. 271-272.

[2] Там же. С. 274.

[3] Обращается внимание на необходимость «расколдовывания» этого стереотипа. См.: Кемеров В.Е. Коновалова Н.Н. «Восток - Запад» // Современный философский словарь. Лондон и др.. 1998.

[4] Соответствующая тематизация проблемы Севера в истории философии представлена в: Попков Ю.В. Тюгашев Е.А. Философия Севера: Коренные малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства. Салехард --- Новосибирск. 2006.

[5] Ротенфельд Ю.А. Универсальная парадигма для новейшей компаративной философии // Компаративистский анализ общечеловеческого и национального в философии. СПб.. 2006. С. 21.

[6] Колесников А.С. Компаративный анализ национального и интернационального в диалоге культур // Компаративистский анализ общечеловеческого и национального в философии. СПб., 2006. С. 13.

[7] Шесталов Ю.Н. Север и космическое видение мира па рубеже тысячелетий // Коренные малочисленные народы России на пороге XXI века: проблемы, перспективы, приоритеты: Материалы Всероссийского конгресса. СПб., 2000. С. 58.

В этом новом тысячелетии, убежден Ю. Шесталов, храмом человечества будет Северный полюс как венец Природы. *«Разве случайно отважные земляне рвутся к Северному полюсу?* Пешком, на собаках, шхунах, самолетах летят, плывут, идут к Северному полюсу... Тонут, замерзают, сходят с ума — но жажда достижения Северного полюса не гаснет в душе землян. Почему? Нет ли разгадки в философии манси, душа которых устремлена на Северный полюс?»[1]. — задаст риторический вопрос Ю. Шесталов.

Роль Севера поэт видит в синтезе неразрешимых, несходящихся противоположностей, составляющих культурно-генетические коды западной и восточной цивилизаций. «Запад и Восток сойдутся на Севере, сольются», — утверждает Ю. Шесталов. — Север утолит энергетический голод земли нефтью, газом. Север утолит экологический голод земли чистым воздухом, водой, кристальным льдом. Север утолит философский голод земли спасительным понятием Севера. Душа людей Севера сохранила не только чистоту человека, природы, космоса, но и энергетику просветления»[2].

Ю. Шесталов убежден, что в новом тысячелетии — тысячелетии Севера — будут править философы. Но важнее всею, с точки зрения поэта, то, что «на Севере много настоящих философов, и они должны прийти в жизнь»[3]. Можно сказать, что экспликация и концептуализация системной совокупности этнофилософий народов Севера рассматривается Ю. Шесталовым как фактор глобального значения.

Все более актуальным «северный формат» философствования становится для России. После распада СССР Россия не без оснований идентифицируется как «северная цивилизация»[4]. В связи с произошедшими переменами актуализирован восходящий к эпохе европейского Просвещения «северный текст» русской культуры[5]. Интенсивно исследуется «северная перспектива» в истории России[6].

Заметим, что, вопреки распространенному убеждению о нерешенности задачи позиционирования России на оси Запад — Восток в отечественной историософии, идею северной идентичности России Е.Б. Рашковский и В.Г. Хорос обнаруживают в работах еще П.Я. Чаадаева: «Итак, согласно грудам Чаадаева, России свойственна какая-то особая, еще не проявленная цивилизационно-культурная специфика. Она не знает ни западных, ни восточных форм концентрации духа. Географически она — между Западом и Востоком, но культурологически — она ни Запад, ни Восток, но скорее Север»[7].

Реальность Севера как глобального миросубъекта выступает, на наш взгляд, необходимой предпосылкой формирования философии Севера не только как объекта, но и субъекта глобальной рефлексии. Какими же отличительными чертами может обладать философия Севера по сравнению с философскими культурами Запада и Востока?

---

[1] Шесталов К). Космическое видение мира на грани тысячелетий: Книга-амулет. СПб.; Ханты-Мансийск. 2002. С. 67.

[2] Шесталов Ю.Н. Север и космическое видение мира. С. 59.

[3] Там же.

[4] Северная цивилизация: становление, проблемы, перспективы: Материалы I Конгресса (г. Сургут. 10-11 июня 2004 г.). Сургут, 2004.

[5] Северный текст в русской культуре: Материалы международной конференции (Северодвинск, 25-27 июня 2003 г.). Архангельск. 2003.

[6] См., например: Головнев А.В. Северная перспектива в истории России // Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург Москва. 2004.

[7] Рашковский Е.Б., Хорос В.Г. Проблема «Запад - Россия - Восток» в философском наследии П.Я. Чаадаева // Восток - Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С. 132-133.

Эти философские культуры обычно характеризуются различными ценностными ориентациями, выражающимися в предпочтении тех или иных базисных категорий, в преимущественном оперировании различными стилями мышления и т.п. Принято считать, что западной философии присущи рационализм, дискурсивность, логическое мышление, умозрительность, волюнтаризм и пр. Соответственно восточную философию рассматривают как отличающуюся иррационализмом, интуитивностью, образным мышлением, практичностью, фатализмом и пр.

Определение специфики отдельного способа бытия мировой философии через противопоставления иному способу порождает, на наш взгляд, эффект соотношения неопределенностей. Экспликация философии Севера позволит, безусловно, более определенно зафиксировать некоторые параметры восточного и западною типов философствования и наряду с этим, открыть дополнительные возможности философской рефлексии[1]. Далее, мы попробуем показать это отталкиваясь от гегелевского сопоставления восточной и западной философии.

Сомневаясь в выделении восточной философии, Гегель тем не менее свое историко-философское изложение в «Лекциях но истории философии» начинаете раздела «Восточная философия»: «Первой по времени является так называемая восточная философия…»[2]. Он находит основания для противопоставления восточной и западной философии. Выражение «восточная философия», как указывает философ, «употребляется преимущественно для обозначения того периода, когда это великое всеобщее восточное воззрение соприкоснулось с Западом, со страной ограниченной меры, где преобладает дух субъективности»[3]. Восточные учения, по его оценке, стали вносить безмерное в западный дух. Он обращает внимание на доминанту неопределенности в «восточном» мышлении: «…На Востоке нет ничего твердого; сколь неопределенна субстанция восточных людей, столь же неопределенным, свободным и независимым может быть также и их характер»[4]. В целом философию Востока Гегель признавал в качестве не вполне истинной, но все же философии, хотя философия в собственном смысле начинается, на его взгляд, на Западе.

В «Энциклопедии философских наук» Гегель сравнивает основоположения западной и восточной метафизики на уровне основного вопроса философии, утверждая, что «единство бытия и мышления» как субстанция «составляет содержание основного воззрения Востока». Такое «единство мысли и бытия» содержит, по мнению Гегеля, и н*ус* Анаксагора и *субстанция* Спинозы. Но в целом в западной философии, с его точки зрения, господствует дуализм, прочная противоположность самостоятельных начал: «…Материальному мы приписываем такое же бытие, как и имматериальному, и как то, так и другое считаем одинаково субстанциональным и абсолютным»[6]. Эта противоположность в западной метафизике рассматривалась как нечто непреодолимое, подчеркивает философ.

Гегель отмечает также эпизодически предпринимавшиеся попытки снять субстанциональный дуализм бытия и мышления. Так, «спекулятивному пониманию противоположности духа и материи противостоит материализм, который изображает мышление как

---

[1] Впервые опыт такой рефлексии был представлен нами в публикации: Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Философия Севера в компаративистикой перспективе // Северный регион: наука, образование, культура. Научный и культурно-просветительский журнал. Сургут. 2006. № 2.

[2] Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. СПб.. 1999. Кн. I. С. 160.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 146.

[5] Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М.. 1956. Ч. 3. Философия духа. С. 58.

[6] Там же. С. 59.

результат материального...»[1]. Гегель не принимает материалистическое решение основного вопроса философии, но приветствует ею главную интенцию: «И, тем не менее, за материализмом следует признать полное воодушевления стремление выйти за пределы дуализма, принимающего существование двух различных, но одинаково субстанциональных и истинных миров — стремление снять этот разрыв первоначально единого»[2].

Итак, Гегеля не удовлетворяет непосредственное тождество бытия и мышления, как оно дано в философской традиции Востока. Характеризующий европейскую метафизику дуализм de facto тоже оказывается неудовлетворительным, поскольку он является неустойчивым, непоследовательным. Актуальной, но неразрешимой для западной философии, оказалась проблема конкретного тождества бытия и мышления.

Следуя за Гегелем, сходным образом фундаментальную задачу будущей философии формулировал А. Сметана:

> Целыо философии было не что иное, как разгадать загадку человеческого существа, т.е. сознания. Сознание - это единство преходящего знания и непреходящего бытия, конечного и бесконечною, земного и божественною. Это единство противоположностей, противоречие.)то противоречие было основой всякого исследования, постоянным предметом философии, и сю снятие было целью всех мыслителей. В *восточной* философии, которая приходится на время разлада человека с самим собой, что для той эпохи является естественным состоянием человеческого рода на относительно высокой ступени развития человеческого духа, сознание было для самою себя бесконечным, объединяющим знание в созерцании единственным бытием. Учение о непосредственном единстве земною и божественною, т.е. учение о единой сущности, было содержанием восточного мировоззрения. В *западной* философии, напротив, сознание человека было для самою себя конечным знанием о частностях, которое уже более не могло достичь собственною бытия. Как в истории вообще, так и в истории философии из единства вытекало раздвоение, из непосредственного тождества земною и божественного их разделение. Это разделение, противоположность субъекта и объекта, знания и бытия во всех его возможных органически связанных формах, было предметом западной философии от Фалеса до Гербарта. *будущая философия* сможет принести лишь один результат своей собственной истории результат, который выразит опосредствованное через противоречие в западной философии тождество знания и бытия, как оно непосредственно содержалось в восточной философии, и в котором сознание будет сознанием самого себя[3].

Как видим, будущее философии Гегель и Сметана связывают со снятием субстанционального дуализма бытия и мышления через опосредствованное противоречие. И особенно важен тот принцип, что данное опосредствование не должно быть сведено к асимметричному опосредованию одной из сторон, т.е. к материализму или идеализму. Возможна ли альтернативная метафизика?

Очевидно, что принятые в восточной и западной философии способы выявления единства бытия и мышления не исчерпывают всех конструктивно возможных вариантов. На это обстоятельство собственно и обращали внимание и Гегель и А. Сметана. Поэтому представляет интерес способ фиксации тождества бытия и мышления, которым типологически могла бы характеризоваться философия Севера. При отсутствии сколько-нибудь развернутых учений, репрезентирующих философию Севера, искомые альтернативы в решении проблемы тождества бытия и мышления могут быть обнаружены в философских представлениях коренных малочисленных народов Крайнего Севера. Эти

---

[1] Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 62.
[2] Там же.
[3] Сметана Л. Значение современной эпохи // Антология чешской и словацкой философии. М., 1982. С. 354-355.

представления составляют пласт «реальной» (по М.К. Мамардашвили) философии, данной, в частности, в языковых картинах мира.

В мировоззрении коренных народов Крайнею Севера определяющую роль играли отношения между миром видимого и миром невидимою. Гак, характеризуя категории картины мира, представленные в чукотском языке, И.С. Вдовин отмечает: «Человек, как и другие живые существа, стихии, небесные тела, содержал в себе два начала, две субстанции, но не в нашем отвлеченно-философском значении (материя и дух, а как нечто целое, единое, но обладающее свойством быть в двух состояниях: видимом и невидимом)»[1].

Метафизическое противопоставление «видимого» и «невидимого» является, на наш взгляд, эквивалентом дуализма бытия и мышления. Актуально «невидимое» только мыслилось, а «видимое» наглядно существовало. Бытие «невидимого» находилось под вопросом. Столь же проблематичной была «видимость» сущего. Можно заключить, что вопрос о тождестве бытия и мышления также был основным в философских представлениях коренных народов Крайнего Севера.

Согласно И.С. Вдовину. конструктивно вопрос о тождестве решался введением представления о некотором целом, едином, обладающим свойством быть в двух состояниях, пребывать как два начала. Эти состояния фигурируют как модусы целого, единой субстанции и тем самым как субстанции в том или другом состоянии. Принципиально важно, что, в отличие от традиции западной метафизики, в мировоззренческих представлениях аборигенов Севера начала не редуцируются друг к другу. «Видимое» и «невидимое» — это два разных состояния единой субстанции. Проблема тождества бытия и мышления решается выделением единой, цельной субстанции, в своей конкретной всеобщности снимающей абстрактное противопоставление бытия и мышления. Такой способ решения проблемы тождества бытия и мышления, безусловно, встречался в западной метафизике, но популярности не получил.

В северной метафизике обозначенный способ отождествления бытия и мышления, по-видимому, особых мировоззренческих затруднений не встретил. И.С. Вдовин указывает на два понятия, которые онтологически могли бы претендовать на статус единой субстанции. Это «наргынэн» («среда», «вселенная», «природа»)[2] и «вагыргын» («жизнь», «бытие»)[3]. Любопытна генеративная способность абстрактно-отвлеченного концепта «вагыргын». На ею основе конструируется обширный концептуальный ряд, включающий, например: «яйвачвагыргын» — «сострадательное бытие», «кынтавагыргын» — «дающее удачу бытие», «ягтачвагыргын» — «жизнеспособствующее бытие», «коравагыргын» — «оленье бытие» и др. Этот ряд, очевидно, способен к бесконечному расширению.

Важным здесь является не только эмпирически наблюдаемая потенциально безграничная способность абстрактно-отвлеченного концепта «вагыргын» к конкретизации, оправдывающая его онтологический статус первоначала. В компаративистской перспективе существенно, что представленная в восточной метафизике конструкция непосредственного тождества бытия и мышления (например, единство инь и ян в «великом пределе» — тай цзи) не предусматривает его потенциально бесконечной конкретизации в зависимости от операционального контекста. Тай цзи остается трансцендентной, потусторонней данностью

---

[1] Вдовин И.С. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (Вторая половина XIX - начало XX в.). Л.. 1976. С. 245.
[2] Там же. С. 231.
[3] Там же. С. 236.

тождества противоположностей. В северной же метафизике это тождество модифицируется, конкретизируется и развивается в непрерывном процессе формообразования.

Таким образом, если восточная метафизика характеризуется синкретичным монизмом субстанции, а западная метафизика — дуализмом субстанций, то северная метафизика ориентирована на фиксацию конкретной целостности базисных противоположностей. В этом пункте, на наш взгляд, заключается основополагающая специфика онтологии метафизики Севера[1].

Ориентация на некоторую целостность, снимающую противоположность бытия и мышления, органична и для русской философии с ее интуициями цельного знания и всеединства. Думается, перспективной является интерпретация классической русской философии как северной философии. О правомерности северного позиционирования русской философии позволяют, в частности, говорить положения и выводы, к которым пришел известный исследователь духовного мира Русского Севера Н.М. Теребихин[2].

Так, органична русской душе порубежность, пограничность северного бытия. «Поморская культура была проникнута постоянным ощущением жизни на пределе, на краю мира, на границе жизни и смерти», — пишет Н.М. Теребихин. Амбивалентность топоса Лукоморья, безусловно, коррелятивна двойственности, противоречивости мятущейся русской души, ее постоянным метаниям из крайности в крайность, расколотости ее бытия. Н.М. Теребихин также отмечает, что «локализация Севера на краю русской ойкумены превращала его в то пограничное пространство, которое наделено топологическими свойствами потусторонности, иномирности, зазеркальности, запредельности»[3]. Указание на «пограничность» северной экзистенции нам представляется чрезвычайно существенным для адекватной оценки гносеологического статуса философии Севера.

Дело в том, что в современной философии все чаще высказывается мнение о пограничности философскою опыта, который определяет и базисную для философии эмоцию удивления, и пограничность философских категорий[5]. Если философия есть «пограничное сознание», а экзистенция Севера есть бытие на грани, то северная философия потенциально является философией par excellence. Н.М. Теребихин это обстоятельство специально подчеркивает:

> Север в картине мира народов Скандинавии и России никогда не являлся чисто географической категорией, ориентирующей человека в физическом пространстве Земли. Север это мета-физическое явление, существующее в "ином" плане бытия, в ином измерении, доступном человеческому (земному, здешнему) восприятию только в особом экстатическом состоянии прорыва, выхождения через себя, достигаемом в мистическом озарении.

---

[1] Подробнее см.: Попков Ю.В. Тюгашев Е.А. Метафизика Севера: онтологическая экспликация // Поморские чтения по семиотике культуры: Вып. 3: Сакральная география и этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера отв. ред. Н.М. Теребихин. Архангельск. 2008.

[2] Теребихин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск. 2004: Теребихин Н.М. Лукоморье: Очерки религиозной философии и маринисгики Севера России. Архангельск. 1999. Теребихин Н.М. Сакральная география Р\еского Севера: (Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры). Архангельск. 1993.

[3] Теребихин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск. 2004. С. 136.

[4] Там же. С. 134.

[5] См.: Катречко С.Л. Философия как пограничный феномен *II* Особенности философского дискурса: Тез. межвуз. науч. конф. (г. Москва. 5-7 февраля 1998 г.) М., 1998: Тюгашев Е.А. Философия и пограничное сознание // Границы безопасности и безопасность границ. Челябинск. 2001.

[6] Теребихин Н.М. Указ. соч. С. 140.

Не стоит, думается, напоминать, что именно в подобном трансцендировании всегда усматривалась сверхзадача философской деятельности. Но то, что на Западе и Востоке достижимо в результате профессиональной аскезы, на Севере является фактом повседневного бытия, точнее, инобытия.

Если сравнивать онтологии западных и восточных философий, то приверженность Запада к категории *бытия,* а Востока — к категории *небытия,* контрастирует с северной реальностью *инобытия.* «Мистицизм Севера — пишет Н.М. Теребихин. — скрыт в его запредельности, недоступности, неподвластности законам "земного тяготения". По мере продвижения на Север весь тварный, видимый и осязаемый мир начинает терять свои обычные твердые формы и установленные очертания. Структурированный космос расплывается, становится текучим, зыбким, призрачным. Мир покидает свою пространственно-временную ограниченность, предельность, конечность. Пространство истончается, просветляется и исчезает, растворяясь в стихии целокупного света полярного дня. Подобная же трансформация происходит и со временем, которое начинает замедлять свой ход и, достигнув последнего предела, навсегда останавливается и становится вечностью» [1].

Время застывает, но движение не останавливается. Эту особенность онтологии Севера можно зафиксировать, обращаясь, в частности, к мифопоэтической картине одного и в коренных народов Крайнею Севера — ненцев. Движение от мифа к логосу — • универсальный и неисчерпаемый источник философского творчества. Поэтому анализ мифов и поэзии позволяет зафиксировать ландшафтно и этнически детерминированные константы картины мира.

В миросозерцании ненцев невероятной подвижностью обладают мысли: «Мысль у старика Нума так пошла», «Нум, чей разум быстрей стрелы...»; «Мысли так и ходят в голове Нга, / Так и бегают»[4]; «Мысли так и побежали в голове собаки...»; «Мысли Нума, как ветер, / Пролетели в голове»[6]. Мысли, как мы видим, находятся в непрерывном движении.

В западной философии движение атрибутируется прежде всего природе, материи. Вечные, недвижные сущности — логос Гераклита, числа Пифагора, нус Анаксагора, совпадающее с мышлением бытие Парменида, эйдосы Платона, Ум Аристотеля, жизненные программы Х. Ортеги-и-Гассета, — это все идеальные объекты. В конце концов, как некоторая недвижимость предстает истина, которую вечно ищут. Даже развивающаяся Абсолютная идея Гегеля остается в себе и для себя, всею лишь узнавая то, какова она есть.

Константой европейской метафизики является убеждение в неподвижности истинной мысли. В данном контексте известные строки М.В. Ломоносова «Может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать» прочитываются как противопоставляющие различные способы существования мысли.

Недвижность времени, как мы видели, отнюдь не означает отсутствия движения, так как в вечном движении находятся мысли. Таким образом, темпоральные отношения в метафизике ненцев включают не только вечность.

О метафизической ценности ориентации на Север интересные мысли высказал Г. Джемаль: Джемаль Г. Ориентация - Север // Волшебная гора. 1997. № VI.

[1] Теребихин Н.М. Метафизика Севера. С. 140.

[2] Творец Нум и Нга// Мифы и предания ненцев Ямала. Тюмень. 2001. С. 157.

[3] Дорога шамана // Там же. С. 186.

[4] Песня шамана // Там же. С. 200.

Там же. С. 201.

Там же. С. 204 205.

По Л.В. Лапцую: «Дни пролегая, бегут от меня...»[1]. Время воспринимается как внешняя, объективная форма течения жизни. Ненец же находится вне времени, вечности. Пребывая в вечности, ненцы неспешны, размеренны. С другой же стороны, способны мгновенно включиться в новый ритм. Как пишет А.В. Головнев, движения могут быть быстрыми, порывистыми, а за ними вновь следует длительная полоса замедленного поведения[2]. «В замедленности есть свой ритм, и задается он внешней действительностью. — далее отмечает он. — Той действительностью, которую нельзя побудить стать быстрее, которую второпях можно только нарушить или даже сделать враждебной себе... Человек не столько задает ритм происходящему, сколько находит его в природе. Он никою и ничего не торопит, не удлиняет и не дробит»[3].

Восприятие мышления как стихии движения есть эффект, который может возникнуть вследствие обыденного пребывания в трансцендентном мире идей, живущих своей жизнью. Издалека звезды в земной обыденности тоже выглядят неподвижными. Но для тех, кто с вечностью рядом, вселенная — это замедленный Большой взрыв с продолжающими разбегаться галактиками, которые не мешало бы собрать.

В миросозерцании ненцев небо есть естественное местопребывание. Ненец в пути, как указывает известный поэт Ю. Вэлла, следит за собой как бы с неба, представляя себя на карте точкой[4]. Согласно мифологии ненцев, первоначально люди жили на небе[5]. Поэтому они назывались небесными людьми. Образно говоря, ненцы — прежде всего дети Неба, а не Земли. Так, в стихотворении «За куполом неба» Л.В. Лапцуй говорит: «Мечтал я рукой приподнять небосвод, / Войти туда думал, как в чум свой родной»[6].

Про себя поэт вспоминал:

Хотел между звезд путешествовать я.
По лунным горам и равнинам пройтись.
Мечты мои были огромны, как высь.
Но коротки руки, как хвост воробья.
Л ныне отважно взлетел человек
На крыльях стальных в золотой звездопад.
Чтоб звезды собрать, как пастух оленят.
И землю родную прославить навек.
И песнею с ним я лечу в вышине.
Познав бесконечного космоса ширь.
И вновь ощущаю, что я богатырь,
И фея Луна улыбается мне.

Специфика космического мироощущения ненцев, в отличие от антропокосмизма западной культуры или северного космизма Ю. Шесталова, заключается в интерпретации человека не только как микрокосма, «мыслящего тростника» в космических безднах (Паскаль) или «младенца в звездной колыбели» (Ю. Шесталов), а в мегакосмизме — в

---

[1] Лапцуй Л. Слово заветное заповедное. СПб.. 2004. С. 107

[2] Головнев А.В. Говорящие Культуры: культурные традиции обских угров и самодийцев. Екатеринбург. 1995. С. 300.

[3] Там же. С. 300.

[4] Цит. по: Головнев А.В. Указ. соч. С. 262.

[5] Гагара // Мифы и предания ненцев Ямала. Тюмень. 2001. С 285.

[6] Лапцуй Л.В. Песни мои - детям. СПб., 2004. С. 175.

[7] Лапцуй Л.В. Указ. соч. С. 175-176.

чувстве равномощности космосу, в безотчетной уверенности в своей способности «звезды собрать, как пастух оленят». Близость к небу отличает мировосприятие северного человека от мировосприятия жителя Юга. Некоторые аспекты картины мира последнего могут быть репрезентированы, на наш взгляд, творчеством Омара Хайяма — «царя философов Востока и Запада» и последователя Авиценны.

Показательно, что сборник ею рубай «Чаша мудрости»[1] начинается с раздела «Увы. неблагосклонен небосвод!». Как же Омар Хайям воспринимает небо? Приведем некоторые ею высказывания: «Небесный свод жесток и скуп на благодать...» (С. 1 1); «Насильник небосвод над миром вознесен...» [С. 14|; «Беспощаден и глух этот свод над тобой» (С. 16); «Сея зло, этот вечный вращается свод...» (С. 17); «Безучастно глядит небосвод голубой...) (С. 17); «Небосвод! Ты тиранишь и губишь людей...» (С. 17); «Небеса нашу волю скрутили узлом. Наводнили вселенную горем и злом...» (С. 18); «Защитник подлых — подлый небосвод / Давно стезей неправедной идет» (С. 52). У Омара Хайяма Небо вызывает только неприятные чувства, поэтому он с куда большим теплом относится к земле, точнее, к глине, из которой изваян человек и в которую он обращается после смерти.

В контексте северного космизма представляет интерес позиционирование этнофилософии ненцев в рамках категориальной пары «свет — тьма». Как известно, специальным объектом философского анализа свет как один из аспектов универсума стал в метафизике света. Звездным часом метафизики света был Век Просвещения. И нелишним представляется вспомнить слова К.А. Гельвеция из его предисловия к трактату «О человеке»: «Солнце юга гаснет, а северное сияние сверкает все более ярким светом»[2].

Н.М. Теребихин отстаивает идею, что «в русской биполярной геосимволике Север и Юг предстают и противостоят друг другу как свет и тьма (отсутствие света)»[3]. Этот вывод корреспондирует с положениями известного французского исследователя истории исламской философии А. Корбена, обратившего внимание на связь суфийской мистики света и символики Севера.

В своей книге «Световой человек в иранском суфизме»[4] А. Корбен указывает на доктрину «цветовых фотизмов», согласно которой мистики носили одежду, цвет которой соответствовал цвету достигнутого ими духовного состояния. Высшая, седьмая ступень восхождения «светового человека» символизировалась «черным светом», который интерпретировался как свет чистой сущности в ее самобытии, в ее сокровенности. «Черный свет» является Светом светов, благодаря которому все видимые светы стали тем, что они есть; он предстает одновременно светом и тьмой.

В черном свете раскрывается некоторая тайна, а именно, у всех существ — двойной лик: лик света, единственно доступный восприятию большинства людей, и лик тьмы. «Черный лик», появляющийся вместе с первым актом бытия, коренится «во тьме на подступах к полюсу». Тьма «на подступах к полюсу» является областью «черного света», предсуществующею всякой материи, которую он пресуществляет, чтобы благодаря ей стать зримым светом. Между «черным светом» и темнотой черного материального тела простирается вселенная светочей, которые, будучи частицами света, сотворены как различные цвета, способные к субстанциальности. Умопостигаемые Светочи.

---

[1] Хайям (). Чаша мудрости. Симферополь. 1998. Далее при цитировании в скобках указаны страницы издания.
[2] Гельвеций К.А. О человеке // Гельвеций К.А. Сочинения. В 2-х томах. М., 1974. Т. 2. С. 10.
[3] Теребихин Н.М. Указ. соч. С. 124.
[4] Корбен А. Световой человек в иранском суфизме Электронный ресурс| // Режим доступа:

пресуществляются как «фотизмы» (цвето-световые явления), а в душу проникают в виде молниеносных вспышек, беглых зарниц, сполохов.

«Черный свет» воспринимается в качестве светоносной Ночи, которая в то же время является тьмой Полудня, световым многоцветьем, мистическим полярным сиянием: «...Этот Лик указывает нам одно и то же направление: свет с Севера как порог Инобытия, чертоги крайнего Севера как потаенные обиталища, источающие свой собственный Свет»[1]. А. Корбен сравнивает «черный свет» со светом севера — полуночным солнцем, сиянием северной Авроры: «Это свет, вспыхивающий в недрах кромешной ночи и преображающий в день эту ночь, которая остается ночью, однако Ночью световой»[2].

Рассматриваемая символическая ассоциация Света с Севером, а Тьмы с Югом представляется убедительной. Восприятие Запада как страны Заката, сумерек, а Востока как страны Восхода является универсалией мировой культуры. В контексте этой универсалии соотнесение Свеча с Севером выглядит логичным.

Концепция «светового человека» не противоречит воззрениям народов Крайнего Севера. О ее эмпирической релевантности для мировосприятия ненцев свидетельствуют следующие строки в стихотворении-завещании Л.В. Лапцуя «Жизнь человека»: «Жизнь Человека — сияние лика планеты, свет этот звездный — в зрачках всех живущих»[3].

Как отмечал М. Элиаде, без так называемого «проблеска» или «озарения» («кауманек») человек не может стать шаманом. Он приводит сообщение К. Расмуссена о том, что. по словам шаманов эскимосского племени иглулик, «кауманек» — это «таинственный свет, который шаман внезапно чувствует в теле, внутри головы, в самой сердцевине мозга, неописуемый маяк, светоносный огонь, дающий ему способность видеть во тьме, как в прямом смысле, так и в переносном, ибо теперь он способен даже с закрытыми глазами видеть в потемках и прозревать вещи и события будущего, сокрытые от других смертных; так он может узнавать и будущее, и тайны других людей»[4]. Решающее в шаманской карьере иглулика озарение испытывается как внутренний свет и ощущается физически световое явление.

Феномен шаманизма обычно рассматривают в качестве интегральной характеристики духовной культуры циркумполярной общности народов. С точки зрения К.Г. Юнга, шаман есть состоявшаяся личность, способная прислушаться к внутреннему голосу и не поддаться психозу толпы в обстановке войн и революций. Бытие-к-ужасу для него не актуально: «Личность, однако, может не поддаться панике тех, кто уже пустился наутек, потому что она уже пережила ужас. Она доросла до понимания нового и стала (ненамеренно и невольно) лидером»[5].

В интерпретации К.Г. Юнга шаман, как и любая состоявшаяся личность, осознает свою изначальную и собственную сущность, живет соразмерно с ней, осуществляя бытие Самости, т.е. индивидуацию. Процесс индивидуации для К.Г. Юнга — это открытая борьба и открытое сотрудничество разума и хаотической жизни бессознательного. В обществах Юга ассимиляция бессознательного достигается, по его мнению, универсали-

---

[1] Корбен А. Символы Севера // Философская газета. № 5 | Электронный рееуре|. Режим доступа: http://www.phg.ru/issue5/fg-5.html.

[2] Там же

[3] Лапцуй Л. Слово заветное заповедное. С. 114.

[4] Элиаде М. Опыты мистического света | Электронный рееурс|. Режим доступа:

[5] Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. М.. 1996. С. 215.

зацией и расширением сознания в йогической практике. «Однако содержания сознания по мере его расширения теряют ясность в чем-то единичном. — замечает он. — В конце концов, сознание становится всеохватывающим, но одновременно и сумеречным; бесконечное число вещей вливается тогда в расплывчатую целостность, которая граничит с полной идентичностью субъективных и объективных данностей. Все это очень хорошо, но едва ли может быть рекомендовано тем религиям, которые расположены севернее поворотного круга рака»[1]. *К.Г.* Юнг убежден, что люд,и Севера должны избрать для себя иное решение. «Мы верим в Я-сознание и в то, что мы называем действительностью. Действительность нордического климата где-то так убедительна, что мы чувствуем себя значительно лучше, если о ней не забываем. Для нас есть все резоны заниматься этой действительностью»[2].

Индивидуация ведет к целостному самобытию через рефлексию архетипов, погруженных в личное бессознательное. Любопытно, что феномен интенсивной рефлексии над архетипами коллективного бессознательного характерен для духовной культуры Русского Севера. Многочисленные культурологические исследования показывают, как подчеркивает Н.М. Теребихин, что пребывание культуры в «пороговой» ситуации — на исходе существования — возвращает ее в «утробное» состояние, до своей порождающей модели. Вот почему родовые черты древнерусской культуры в северно-русской традиции были не просто усилены (актуализированы), но сокращены и свернуты до полного обнажения ее конструктивного каркаса, до глубинной порождающей модели.

Феномен кристаллизации на Русском Севере порождающих моделей русской культуры позволяет выдвинуть предположение о неизбежности северного позиционирования русской философии. В связи с этим в качественно новой историко-философской оценке нуждаются философские взгляды М.В.Ломоносова. Очевидная оригинальность его мировоззрения, обусловленная приверженностью северной проблематике, не получила пока адекватной интерпретации. Возможно, становление философии Севера позволит нам увидеть в М.В. Ломоносове первого метафизика Севера.

J.V. Popkov, E.A. Tjugashev

Philosophy of the North (experience of demarcation)

Definition of specificity of a separate way of life of world philosophy through oppositions to a different way generates, at a sight of authors, effect of a contradictions parity. The explication of philosophy of the North will allow to fix definitely more than some parameters of east and western types of philosophizing and alongside with it to open additional opportunities of a philosophical reflection. Authors show it. making a start from Hegel's comparisons of east and western philosophy.

---

[1] Там же. С. 206.
[2] Там же.
[3] Теребихин Н.М. Указ. соч. С. 212.